

Майкл СПЕКТЕР

«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

«Большой вечер, как египетские пирамиды»

За последние — 1997 — 23-29 апреля
(19-20) — 122

АННА АНТОНИЧЕВА выглядит так, будто ее длинные красивые ножки вот-вот вот подогнуты, хотя тело и кажется несомненным. Через несколько часов она и ее юный партнер по Большому театру Дмитрий Бобровицкий выйдут в Кандид для участия в вечере, посвященном звездам балета XXI века.

Весь день они танцевали, кружились и паря в воздухе, на старом, выщербленном полу репетиционного зала рядом со сценой Большого театра. Их подгоняла педагог, бывшая солистка Большого театра Марина Кондратьева, и сейчас они похожи на боксеров, из последних сил старающихся продержаться до последнего удара гонга. «Не спешите, дорогая, и не останавливайтесь», — кричит Кондратьева своей юной ученице.

— Ты слишком напряжена. Расслабься, раскисни. Если ты так замечательно танцуешь сегодня, то завтра сможешь танцевать еще лучше.

Анна прыгнута лицом в полотенце, потом собирается, и ее парашютная бинтура выпрямляется, она дает знак включить магнитофон, и вот уже пышет в танце, исполняя па-де-де из балета «Спартак». «Да», — восторженно восклицает педагог, — именно так танцуют в Большом театре. Ты доказала, мы наше величие».

Всего каких-нибудь два года назад никто не рискнул бы говорить о величии самого знаменитого и когда-то величайшего культурного института России. Считалось, что театр, разрываемый изомической, духовной депрессией и депрессией самих исполнителей, быстро приходит в упадок. Его руководителем Юрия Григорovichа, «который долгое время возглавлял театр и пользовался колоссальным влиянием, даже сравнивали со Сталиным. Зарплата была настолько нискодемоси, что многие талантливые молодые артисты балета и музыканты ушли из театра. Репертуар состоял из классических балетов и балетов в постановке Григорovichа; Бурнонниа, Балачина и другие балетмейстеры были не в чести.

«Театр переживал чудовищный кризис», — говорит известный балетный и музыкальный критик Анатолий Агамирский. — Опасность была реальной. Театр походил на гигантскую шахту, ресурсы которой исчерпаны. В ней не осталось угля. Ничего, кроме горечи». Любимый афоризм Григорovichа «Театр — это музей, по существу, превратил Большой в место, где можно только рассматривать прошлое. Провести там вечер — значило в переполнен на простой азмк себя самую тяжелую пищу на весь блда русской кухни. В конце концов по положению стало настолько тяжелым, что пре-

зидент России Борис Ельцин решил вмешаться.

Григорovich сняли, назначив вместо него его бывшего протекже — а теперь крого противника — Владимира Васильева. Сделано все было в манере, достойной меломантрапической традиции классических русских постановок. 56-летний Васильев, один из величайших танцовщиков современности, немедленно клял на должность художественного руководителя балета врата Григорovichа Вячеслава Гордеева. Хотя реформирование громакошко Большого театра (2500 сотрудников и свыше 1000 исполнителей) сравнялось со спасением умирающей российской армии и возрождением атрофированной промышленной базы страны, изменения очевидны поспешу.

«Я не хочу сказать ничего плохого о прежнем руководстве труппы», — сказала 23-летняя Антоничева, которую считают одной из самых талантливых молодых солисток балета Большого театра. — Но сейчас здесь появилось какое-то новое, возмущенное ощущение. Это ощущение свободы».

Однако это был нелегкий переход, и он еще не закончен. Задача, стоящая перед Васильевым, — обеспечить движение театра вперед, не отказываясь от его прошлого, — была бы трудной для любого. Россияне рассчитывают на то, что Григорovich будет регулярно показывать великолепную классику XIX века — «Лебединое озеро» и «Бадярку» — и такие балеты XX века, как «Ромео и Джульетта». Новаторство возможно, экспериментирование — нет. Деструктивизм Большого театр считается таким священным российским институтом, что критиковать его постановки или руководителей было так же неприемлемо, как критиковать руководителя КПСС. Но, как и сама партия, Большой при Григорovichе переживал застой и развал на фразки. Люди из лагеря Васильева и другой труппировки во главе с великой балериной Майей Плисской могли работать, десятилетиями не разговаривая с теми, кто поддерживал Григорovichа. Большинство признавало, что для того чтобы спасти этот театр, который процветал и при царях, и при советских руководителях, необходимы серьезные изменения. Тем не менее неожиданное снятие Григорovichа вызвало первую в 200-летней истории Большого забастовку. Многие звезды отказались даже разогнаться с человеком, называемым «самым большим и когда-то прославившимся готовностью критиковать Большой даже будучи одним из ведущих танцовщиков этого театра.

Васильев начал действовать сразу же после прихода в это грандиозное, но обветшалое здание. В текущем году, чтобы сдержать свое обещание внести что-то концептуально новое в несколько поднаполненных балетный репертуар, который не менялся уже 25 лет, Васильев осуществил новую сенсационную постановку «Лебединого озера». Он осмелел балет, изменив хореографию в первой сцене на озере, на что не решился даже известные экспериментаторские западные хореографы. Вышло это так, будто Васильев объявил о намерении заменить классические каноны Большого театра приемами импровизированного уличного.

Критики, считающие музыку Чайковского главным символом не только Большого балета, но и самой русской души, пришли в ужас и объявили постановку полным провалом. Васильев оставался только ждать, хахм должен быть следующий шаг в его поисках.

«Я никогда не считал себя вправе менять атмосферу этого величественного театра», — сказал Васильев в интервью. — Просто хотел чуть раздвинуть горизонт. Это оказалось труднее, чем я думал. В моем «Лебедином озере» нет ничего особенно нового, прополжал он по поводу и поводом своим восток. — Я надеюсь, что смогу добиться продвижения театра в новых направлениях. Думаю, что смо-

но потом перестану это делать. Туристам, которым уже не хотелось платить 75 долларов за плохой балет, советовали вновь пойти в Большой. (Нормальные цены, однако составляющие меньше 10 долларов, ничто по сравнению с Нью-Йоркскими и лондонскими, но тем не менее все же дорогие для города, где средняя месячная зарплата составляет около 100 долларов.) Сегодня билеты распродаются лучше, чем за последние пять лет. Балетная школа, за десятилетия воспитавшая множество талантливых и готовых покинуть театр молодых артистов, сейчас посылает в уюнь дарований такой же популярности.

Поскольку ежегодный бюджет двух оркестров, балета и оперы составляет всего 12 миллионов долларов (для сравнения, бюджет «Метрополитен-опера» в этом году превышает 100 миллионов), а «Ковент-Гарден» — 75 миллионов), театральные мистические провалы свою продукцию половине театров Москвы, а Васильев ищет поддержку на всех континентах, за исключением разве что Антарктики.

Оперная труппа в этом сезоне осуществила три новые постановки: «Иван Сузанин», «Аида» и «Йоланта».

Важно и то, что создаваемая контрактная система — уязвляющая зарплату с качеством исполнения, вместо того чтобы относиться к самым талантливым музыкантам России так, будто они работают на зыбле, — начала привлекать и удерживать артистов балета, которые, без сомнения, в противном случае ушли бы из театра. И хотя в этом году артисты зарабатывают всего примерно 250 долларов в месяц, новая система дает возможность таким звездам, как Анна Антонианни, танцующая сейчас в американском балетном театре, регулярно выступать и в Большом театре.

«Я по-прежнему думаю, что балетная труппа Большого — лучшая в мире», — сказала Антонианни, недавно приезжавшая в Москву. — У нас особая душа, та субто русская суть, которую нигде больше нельзя найти. Разумеется, сейчас для балета труднее время. Денег мало, изменения всегда труднее. Но я рада, что могу танцевать не только в Америке, но и здесь. Мне было бы плохо и без того, и без другого».

По единодушному мнению большинства критиков, эта новая открытость не — анеморфировалась еще в балетном искусстве, а положение в балете, как и в оркестре, улучшилось. Но опера, которую десятилетиями финансировали, не позволяла ангажировать подлинных мировых звезд, еще быстрая над этой проблемой. И все же существует общее мнение, что возродил между Востоком и Западом, который изолировал старый Большой и извоблажал его от мира, теперь процветает.

«То, что на гладе театра стоит (ах, человек, как Васильев, важно еще и потому, что его любят во всем мире», — сказала Валерия Уральская, редактор журнала «Балет» и, вероятно, самый известный московский балетный критик. И все же не все так просто, как может представиться новому телезрителю в опере или балете. Как хореографу его нельзя назвать выдающимся, но он настраивает конструктивно, что очень важно сейчас. Это визитная карточка Большого театра и России.

И все же многие критики считают, что в творческом плане Большого переживает трудные времена. Несмотря на все его известные недостатки, Григорovich ставил зрелищные и красивые спектакли, и русский балет ассоциировался именно с этими постановками. «Особенность русского классического балета всегда была мелодичный характер и мягкость жестов», — говорит В.Уральская. — Его всегда отличала открытость и теплота. До сих пор Большого никогда не считали движением самоцелью, движением ради движения».

Другие же говорят, что эксперимент, или по крайней мере новый подход, нео-классицизм. Они отмечают, что в США и Европе давно развивается классическую традицию, не жертвуя ее корнями. И все же Васильев не хочет, чтобы его обвинили в излишней поспешности. В будущем году планируют открыть филиал Большого театра — идея, которую, очевидно, выдвинул Григорovich, когда на главной сцене театра сценично давно назревали перемены. Именно в этом новом издании Васильев и его коллеги надеются осуществить самые смелые свои планы.

«Мы не можем делать все сразу», — сказал Гордеев в интервью между бесконечными репетициями, которые по его мнению, танцовщицы и музыканты должны непременно носить. До его прихода в театр репетиции носили почти факультативный характер. «Прежде всего мы вернули дисциплину», — сказал он. — С расприхиванием покоем. Это — ошеломляющее. В этом сезоне будет в новом постановке, на 5 больше, чем за последние десятилетия. За последние два года мы взяли в труппу еще 150 человек. Но близок ли успех? Что ж, мы приходим и уходим, в Большой вечер, как египетские пирамиды. Поэтому об успехе нельзя судить за несколько месяцев. Чтобы достичь цели, нужно время. И мы будем работать столько, сколько — потребуете».